

Лу Чжихань не терпел проявлений слабости перед посторонними, тем более в людном месте. То, что он не развернулся и не уехал прочь в ту же секунду, уже можно было считать огромным одолжением.

Окружающие приготовились услышать резкий отказ, однако после короткой паузы раздалось лишь тихое, почти неощутимое:

— Угу.

Народ опешил. Они что, ослышались?

Цзян Нин тем временем пригнулся, просунул одну руку ему под мышки, другую подвёл под колени и без малейшего видимого усилия поднял Лу Чжиханя на руки.

До слуха Лу Чжиханя долетел тонкий аромат: свежая лимонная нотка смешивалась с едва уловимым запахом пота — так пахло само юношеское усердие, азарт спортивных побед и палящее полуденное солнце.

Преодолев несколько ступеней, Цзян Нин остановился. Скосив взгляд на застывших столбами помощников, он проигнорировал их ошарашенные физиономии и сухо бросил:

— Коляску.

Мужчины встrepенулись и поспешно подкатали кресло.

Только тогда Цзян Нин осторожно опустил Лу Чжиханя. На его школьной олимпиаде добавилась лишь пара мятых складок там, где за неё держались, но сам юноша даже не сбился с дыхания.

Столовая Первой средней школы Линьцзяна занимала три этажа. Третий предназначался исключительно для руководства, а на первом и втором меню ничем не отличалось.

Перед каждым из полудюжины окошек выстроились внушительные очереди.

Вид этой толчеи окончательно лишил Цзян Нина аппетита. Он уже сто лет не толкался в школьных столовых: обычно дожидался, пока основной поток спадёт, и только потом шёл перекусить.

С горем пополам получив подносы с едой, они огляделись.

Свободных мест не было вовсе. А есть стоя или ютиться на корточках в углу никто не

собирался.

Помощники, явно впервые попавшие в подобный просак, растерянно переглядывались.

Цзян Нин же, не тратя времени на раздумья, быстрой походкой прошёл между рядами и остановился возле стола, за которым четверо парней уже доели и вовсю болтали, уткнувшись в телефоны.

Поставив поднос, Цзян Нин небрежно роздал:

— Поели — освобождайте место.

Парни недовольно подбоченились, но, разглядев, кто перед ними стоит, моментально сдулись.

Вот так, вполне мирно и без лишнего шума, Цзян Нин добыл себе стол.

Набор блюд у него был скромнее некуда: порция парового яичного суфле да томаты с яйцом. Для растущего юношеского организма — прямо-таки спартанский рацион.

Лу Чжихань лёгким движением бровей выразил сомнение:

— Ты всегда так питаешься?

— Угу, — Цзян Нин раскусил его мысли и, подхватив палочки, добавил: — Просто всё остальное здесь жуткая дрянь.

Лу Чжихань сомневался недолго. Он поддел палочками кусочек свиных ребрышек в кисло-сладком соусе и отправил в рот.

Его лицо, обычно лишённое ярких эмоций, мгновенно потемнело. Он замер в тягостной нерешительности между «выплюнуть» и «проглотить».

Цзян Нин не удержался от смешка и достал из кармана куртки бумажную салфетку:

— Выплюнь ты.

Стоявшие рядом помощники, не верившие в настолько беспросветную кулинарную катастрофу, тоже решили рискнуть. Сделав по паре укусов, оба переменились в лице, но из последних сил заставили себя проглотить стряпню.

Уровень местной кулинарии...

Просто яд!

Цзян Нин отложил ровно половину своего суфле и помидоров на поднос Лу Чжиханя:

— Ешь давай. Ещё не хватало, чтобы ты у меня на глазах с голоду опух.

С этими словами он принялся за еду.

Лу Чжихань секунду помедлил, а затем попробовал предложенное. Шедевром гастрономии блюдо назвать было трудно, но, по крайней мере, оно имело нормальный вкус.

А вот помощникам не повезло: им пришлось давиться тем, что досталось, не смея перечить.

В столовой стоял шум и гам, но большинство присутствующих то и дело косились на их столик.

Неподалёку за этой картиной молча наблюдал Цзян Цзяюй.

Сидевший с ним одноклассник поинтересовался:

— Цзяюй, ты же вроде хорошо знаешь Цзян Нина? А кто это напротив него? Тоже из вашей семьи?

— Да он, похоже, специально к нему приехал. Утром же на линейке говорили, что кто-то пришёл навестить своего «младшего».

— Видно, что богач... Надо же, даже в столовку с ним пошёл...

— Я наелся.

Цзян Цзяюй резким движением подхватил поднос, поднялся и с ледяным видом удалился, оставив приятелей в полном недоумении.

— Цзяюй чего, психанул, что ли?

— Кстати, а почему его родня сегодня не приехала?

Цзян Нин расправился с большей частью порции — исключительно ради того, чтобы набраться сил перед дневными соревнованиями.

Сидевший напротив Лу Чжихань тоже отложил палочки, съев и того меньше.

В этот момент за спиной Цзян Нина раздался знакомый голос.

— Господин Лу! — суетился директор Сунь. — А я-то думал, вы уже уехали! На первом этаже такая толкотня, может, поднимемся на третий?

— Не стоит, — ровно ответил Лу Чжихань. — Я сыт.

Директор Сунь бросил взгляд на практически нетронутую еду и со вздохом завел заведомо понятную песню:

— Неужели угощение не по вкусу?

— Мои вкусы — дело десятое, — сухо отрезал Лу Чжихань. — Но сейчас у детей период активного роста. Если кормить их подобным, вряд ли вам удастся оправдаться перед их родителями.

Тон оставался безучастным, но смысловой вес сказанного заставил стоящего подле директора мужчину средних лет моментально измениться в лице.

— Простите великодушно, директор Сунь, господин Лу, — поспешил выгородиться завхоз, отвечавший за столовую. — Обещаю, с сегодняшнего дня... нет, прямо с этой минуты я лично возьму вопрос под контроль!

Цзян Нину эта сцена показалась безумно комичной.

О том, что в столовой готовят отвратную дрянь, знали абсолютно все ученики. Вот только подряд на общепит держал родственник кого-то из школьного руководства, поэтому все жалобы детей годами пролетали мимо ушей.

И сейчас, наблюдая за подобострастными ужимками администрации, Цзян Нин лишь мысленно усмехался этому цирку.

После короткого полуденного отдыха стартовал дневной этап соревнований.

Зимнее солнце совершенно не пекло — оно лишь тонким, невесомым флёром ложилось на красную синтетическую дорожку и вечнозелёные кроны баньянов, мягко подсвечивая всё вокруг.

Вдоль беговой дорожки собралась внушительная толпа.

Цзян Нин занял третью дорожку. Заменя травмированного Ло Цзяньяня, он бежал завершающий, четвёртый этап эстафеты четыре по сто метров.

— Босс, я так дергаюсь! — Чжао Цзыцянь, стоявший на третьем этапе, на фоне рослых парней из других классов выглядел совсем хило.

Но эстафета — командная игра.

— Чего трусить? — Цзян Нин хлопнул его по плечу. — Я у тебя за спиной. Передашь мне палочку, а дальше оставь всё мне.

Он неторопливо прошагал к своей отметке и встал в свободную, расслабленную позу.

Эта вальяжность каким-то чудом подействовала на Чжао Цзыцяня успокаивающе.

«Вперёд! — подбадривал он себя. — Нельзя подвести босса!»

Прогремел стартовый выстрел.

С противоположного конца дорожки сорвались бегуны, а вдоль трибун поднялся невероятный шум.

Парни из третьего класса устремились вперёд с отличным отрывом, но на передаче эстафетной палочки парень слишком разгорячился: пальцы соскользнули, и деревяшка на глазах у всех отлетела на пару метров в сторону.

Все замерли.

— Чёрт!

— Подбери быстрее!!

Придя в себя, ученики третьего класса едва сами не выскочили на дорожку.

Второй бегун подхватил палочку, но отставание уже казалось катастрофическим. А впереди его ждал лишь Чжао Цзыцянь — хрупкий ботаник, совершенно не похожий на спринтера.

У всех в голове пронеслась одна и та же мысль:

«Всё. Продули командный зачёт!»

Однако произошло невероятное. Приняв эстафету, Чжао Цзыцянь прибавил с такой безумной скоростью, что отыграл почти половину упущенного расстояния!

— Босс!! — с дрожью в голосе выкрикнул он, вытягивая руку с палочкой.

Цзян Нин подхватил ее мёртвой хваткой. В ту же секунду вся его вальяжность испарилась без остатка — он сорвался с места точно пущенная из лука стрела.

Ветер взметнул тёмную ёлку челки, открыв породистый, точёный профиль. Трибуны взорвались совершенно иным, оглушительным рёвом.

Он мчался так быстро, что фигуры соперников мелькали и оставались позади одна за другой. На самом финише он совершил последний, невероятный рывок и вырвал победу!

— Офигеть!!!

— На последнем этапе что, отдельную перемотку включили?!

— Третий класс первый?!

Едва Цзян Нин успел упереться руками в бедра, чтобы перевести дыхание, как его окружила ликующая орава одноклассников.

— Нин-шэнь — гений!!!

— Мы чемпионы!!!

Восторженные, горячие возгласы оглушали. В этот миг невидимая стена, разделявшая Цзян Нина и остальной класс, дала трещину.

Цзян Нин обернулся и встретился взглядом с Лу Чжиханем, сидевшим неподалёку.

Юноша задорно вскинул подбородок: «Ну что, видел, как надо?»

Лу Чжихань с улыбкой поднял руку с большим пальцем и что-то беззвучно произнес.

Цзян Нин прочитал по губам:

«Красавец».

К пяти часам вечера началась церемония награждения.

Цзян Нин поднимался на верхнюю ступеньку пьедестала дважды: сначала за личное золото, затем — вместе с эстафетной четверкой.

Во время памятного фото Чжао Цзыцянь шмыгнул носом:

— Босс, ты был просто невероятен! Я уж думал, всё пропало.

— И пропало бы, — отозвался Цзян Нин, — если бы ты не выложился на своём отрезке. Без тебя не было бы никакого первого места.

Чжао Цзыцянь ошеломленно воззрился на него. От этих простых слов у него защипало в носу, а глаза мгновенно наполнились слезами — ещё немного, и разрыдается.

— Так, внимание! — скомандовал фотограф. — Все смотрим в кадр, улыбаемся! Улыбочка!

Цзян Нин чуть изогнул губы. Едва вспышка погасла, он спрыгнул с помоста и, даже не думая задерживаться, направлялся к выходу.

— Цзян Нин! — окликнул его Ло Цзяньань. Пораненный спортторг не забывал о своих обязанностях. — Мы тут решили отметить победу, раз самоподготовку отменили. Пойдешь с нами?..

— Веселитесь, — не оборачиваясь, бросил Цзян Нин.

Когда он отошёл подальше, стоявшие рядом с Ло Цзяньанем парни съязвили:

— Говорил же, он откажется.

— Ну да, куда ему, такому цаце, до нас.

Ло Цзяньань строго сдвинул брови:

— Хватит чесать языками. Не пошёл — значит, были дела.

— Вот именно! — поддержали девчонки. — Человек сегодня столько очков классу принёс, а вы только шипеть умеете!

— Не пошёл Цзян Нин — и я домой пойду. Без него тут делать нечего.

Язвительные парни вынуждены были заткнуться, хотя внутри всё кипело.

Чёрт блин! И когда только этот Цзян Нин успел так очаровать всех девчонок?!

В салоне автодома Цзян Нин крутил в руках грамоту, собираясь убрать её в рюкзак.

— погоди, — остановил его Лу Чжихань. — Дай посмотреть.

Рука Цзян Нина замерла.

Чего он там не видел? Для такого отличника, как Лу Чжихань, подобные бумажки — обычное дело, ими хоть стены оклеивай.

И всё же Цзян Нин послушно протянул грамоту.

Лу Чжихань развернул яркий лист и долго всматривался в него, слегка поглаживая подушечкой пальца выведенное от руки имя.

Щёкам Цзян Нина внезапно стало жарко. Перед глазами некстати всплыло воспоминание о том, как эти же мягкие пальцы касались его ссадины — чуточку щекотно, чуточку отзываясь дрожью.

Отведя взгляд, он буркнул:

— Так нравится — забирай себе.

— Заберу.

—...?

Цзян Нин уставился на него. Он искренне не понимал, зачем человеку, легко раздающему собственные награды, сдался этот дешевый кусок картона.

... А вечером, уже в гостиной виллы, Цзян Нин обомлел.

Грамота висела на самом видном месте центральной стены. Её поместили в изысканную, дорогую рамку, а бесценный антикварный свиток, прежде занимавший это место, бесцеремонно подвинули в сторону.

Цзян Нин застыл.

У него просто слов не было.

Указав на застеклённый рамкой лист, он спросил:

— Это ещё что за перформанс?

— Память, — спокойно ответил Лу Чжихань. — Твоя первая награда, завоеванная при мне.

—...

Цзян Нин саркастично хмыкнул:

— А ты у нас, я смотрю, мастер издевательств.

Он уже вознамерился двигать стул, чтобы снять эту «красоту».

— Цзян Нин, — остановил его Лу Чжихань. — Она первая, но я знаю: далеко не последняя.

— И что? Ты теперь каждую мою бумажку в рамку закатывать будешь? А по праздникам ещё и благовония перед ними курить?

— Если ты не против, — абсолютно серьезно отозвался Лу Чжихань, — я именно так и сделаю.

— Это ещё с чего?

— Потому что это твоя заслуга.

<http://bllate.org/book/19724/1943932>